

ОТ АВТОРА

Я сел писать эту книгу, чтобы разобраться, кто, как и почему делает больно людям, которых любит. И почему именно слова — самое опасное оружие в этом деле.

Подозреваю, что более талантливый автор обошелся бы рассказом на пять страниц. А я делаю то, что могу, с тем, что у меня есть.

Как и герои этой истории.

Я иду на битву с драконом.

Я обязан его победить.

Мне не надо его престола.

Лишь бы голову с плеч отрубить.

ЭПИЗОД 1

ЛОГОС | СЛОВО

Смотрю в телефон. Усмехаюсь.

Когда мы покидали Кинешму, инспектор по делам несовершеннолетних Алексей Корчин, лейтенант МВД, написал мне:

— Имей в виду, мы будем за тобой приглядывать. Будь на связи. И лучше тебе залечь на дно.

Когда мы заезжали в этот город, приставленный ко мне госпсихолог из Кинешмы Александра Пална написала:

— Не волнуйся. Я буду за тобой приглядывать. И буду с тобой на связи.

Спустя месяц ни он, ни она не на связи. Вначале мне казалось, что это хорошая новость. Теперь мне так не кажется.

Чуть выше своего предостережения в мессенджере инспектор выслал мне поочередно с десятков аккаунтов ребят, которые в теории мне могли не нравиться и к которым, вполне возможно, у меня имелись недобрые мысли.

Рядом с ватсапом в смартфоне имеется госприложение, тоже мессенджер — для особых детей под присмотром психологов. В чате этого приложения мы иногда переписывались с Александрой Палной, когда было совсем худо и не по времени. И в том чате до обнадеживающего сообщения она отправила мне с десятков картинок с разными необычными оттенками. Она просила выстроить какие-то эмоциональные ассоциации с каждой.

Из десятка хулиганов инспектора я отметил только Бондаря как того, кто мне не очень понравился. И, возможно, потому произошло то, что произошло.

Из десятка картинок психолога я отметил серый цвет как тот, что мне не нравится, потому что не может определиться с тем, на какой он стороне — на светлой или темной.

Инспектор пугал, психолог поддерживала. В одном они сошлись: им было нужно, чтобы я шел на контакт. Ему, чтобы я начал говорить все как есть. Ей, чтобы я начал разговаривать, хотя бы как получается.

Но мне нечего сказать. Все мои усилия уходят на то, чтобы хотя бы думать структурированно. Чтобы думать как человек. Чтобы быть как человек. Чтобы жить среди...

Мама дотрагивается до моего бедра, и я снимаю наушники.

— Даня, передай мне воду, — говорит она и указывает мне на бутылку, лежащую в кармане моей двери. Передаю ей «Святой источник». Мы тормозим на перекрестке. Деревянный крестик, висящий на зеркале, подскакивает, и мама его поправляет.

— ...Дорогу к свету отыщет каждый ищущий. Ищущий этот свет! Кто-то из вас спросит, как понять, как же понять...

Мы замечаем с десятков кавказских мужиков, идущих по дороге. Они говорят на русском, но с разными акцентами. Смеются.

— Много их тут. Кавказцев, — говорит мама.

— Нефтевышки. Везде, — объясняю я, хотя она и так это знает.

— Как будто вернулась в молодость. В Пятигорск, — улыбается она. — Необычно.

Кончики ее плохо покрашенных ногтей стучат по рулю, наигрывая незнакомую мне мелодию.

— Доверьтесь сердцу, способному отделить правду... — с надрывом продолжает диктор.

Я собираюсь надеть наушник, но она внезапно останавливает меня вопросом:

— Что слушаешь?

— Песню.

Она отключает радио «Призыв души и сердца». Это хорошо. Но плохо, потому что мне придется говорить.

— Я понимаю, что это песня, — усмехается она осторожно, с едва уловимой тревогой. — А что за?..

— «К небесам».

— Классное название! А кто поет? — максимально естественно спрашивает она.

«Еще бы», — думаю я. Идеальное название под ее нынешнее состояние. Хорошо, что не «Райские яблоки» Басты.

— Я не... — собираюсь отмазаться, но сразу сдаюсь. Заглядываю в телефон. — Паша Прурок.

— Прүрок?

— Да, наверное.

Предпринимаю еще одну попытку надеть наушники, но слышу еще один вопрос.

— А о чем она?

Не сразу отвечаю на ее вопрос, пытаюсь по взгляду понять, зачем она затеяла этот не нужный никому разговор. Это же просто музыка в моих наушниках. Что тут обсуждать? У всех в наушниках музыка.

Улицу переходит бомж, с усилием проталкивая вперед груженную барахлом тележку. Остановившись, он предъявляет что-то водителю, притормозившему на половине «зебры». Обменявшись оскорблениями, завершает конфликт, демонстрируя средний палец.

Мы трогаемся. Крестик подпрыгивает. Мама его поправляет, нежно, аккуратно, будто успокаивает.

— Прости... — продолжает она, нервно улыбаясь. — Просто ты все время в этих больших... — она показывает свободной рукой воображаемый наушник на своем

ухе, — и постоянно слушаешь что-то. Я не против, просто я хочу... Может, и мне понравится?

— Не понравится. Она без смысла. — Хочется добавить «точь-в-точь как и твоё радио». — Это русский рэп. Лирика.

На лице мамы разочарование. Не из-за моего вкуса, а из-за моих укусов. Из-за ответов. Ещё у неё грусть, боль... Мама — старый, никому не нужный, запыленный, но все ещё рабочий телевизор из моего детства. А я — маленький, неприятно щиплющий током проводок, к которому часто приходится прикасаться, но изолировать нельзя. И все это в целом моя попытка упорядочить то, что происходит в моей голове.

Забавно, что я научился это делать: придавать сложному простую, корявую, но понятную метафору ещё до того, как мне это предложила Александра Пална, и это очень облегчило мою жизнь. Мама — быстро иссыхающее дерево, а я птичка, которая все ещё не приняла, что должна искать себе новый дом.

Мама плавно давит на газ.

— Я прочитала на одном сайте, что один из способов, — она рисует мост, дотрагиваясь до своей груди, а затем до моей, — ну, понять тебя, — послушать твой плейлист. Ты просто постоянно там, внутри, и это твой мир, я понимаю, просто... — продолжает она тараторить с дрожью в голосе, пока я не перебиваю ее:

— Она про свободу, — говорю я, умолчав о том, что сейчас не самое лучшее время меня понимать, затевать ненужные притворные беседы, да и мосты тоже сейчас можно уже не строить. У нас обоих есть более важные проблемы. — И про время тоже там поется.

— Это такие, знаешь, понятия. Большие. Ты можешь объяснить? Помнишь, Александра Пална просила тебя больше идти на контакт. Больше рассказывать. Ты в них хорошо разбираешься. В колледже кому-то может показаться это тоже интересным, и ты расскажешь им. И у тебя будут новые друзья... главное не просто говорить, а создавать...

— Смысловую цепь, — говорю я. — Помню.

«Просто», — говорит она. А я создаю смысловую цепь своим молчанием. Тишина — тоже звук.

— Да. Давай попробуем? Ты просто объясни мне, о чем песня. Как репетиция перед... Без, знаешь, без напряжения. Как... как есть. Как будто ты перед ребятами.

Я прокручиваю в голове куплет:

Что ты видишь, ну же, скажи.

Это время куда-то бежит.

Стать большим ты уже не спешишь,

Но назад, увы, нету пути.

— Песня про время. Про то, что оно течет и в какой-то момент ты уже взрослый и жалеешь, что не можешь прокрутить время назад, — строю я ту самую смысловую цепь.

— В ней много смысла, — удивляется мама и даже кивает. Возможно, притворяясь. Скорее всего, притворяясь. Один из мотивирующих секретиков от Александры Палны: «Подбадривайте его, хвалите при любом удобном случае, берите за руку, смотрите в глаза» и прочая фигня.

— Ну, есть так... — отвечаю я как-то скомканно. Лучше ей не знать, что там есть еще про маму, про то, что автор извиняется перед ней за то, что влюблялся в кого попало. А еще она про боль и про смерть, и об этом маме тоже лучше не знать, потому что песня из позитивно возвышенной перейдет в статус жизнеНЕутверждающей. Все, что не про жизнь, сейчас — это красная линия. Она попросит не слушать такое и всякое другое, похожее на это, и вообще остальное тоже лучше не слушать, иначе мы откатимся назад. От желтых к черным капсулам. Из «пока все норм» или «все не очень хорошо» во «все плохо», а еще к терапевтам, к дерьмовым документальным фильмам о том, как много жизни в этой жизни,

которую надо жить, а не прожить.

Иначе прожует и выбросит.

Так молод и красив был.

Ах! Жаль-жаль-жаль...

— Приехали, — говорит мама и смотрит на здание колледжа. Беру с заднего сиденья рюкзак. Она спрашивает игриво:

— Какой сегодня день в колледже?

— Шестой, — отвечаю я.

— На шестой день Бог создал человека. Знаешь? — Она подмигивает, будто у нас с ней есть общий секрет, но у нас мало общего. Есть секреты. Но не общие: *самопосебешные*.

— Я все еще не понял, зачем ты это делаешь. Эти библейские отсылки. Завтра уже все, дни закончатся. Я проверил. Потом Бог отдыхал вроде.

— Почил. Да. Прости, я больше не буду считать. Просто это важное время. Заканчивается твоя первая неделя. Слава Богу, ты вроде хорошо справляешься. Я так боялась...

Я просто киваю. Киваю, потому что не знаю, что сказать. Потому что не знаю, что в такие моменты говорят нормальные люди. И говорят ли. По-моему, ритмичное, как будто понимающее, кивание — прекрасная реакция для таких случаев. Когда ругает препод, когда мама объясняет таинства мироздания, когда на похоронах рассказывают, каким хорошим человеком был ушедший.

— Мне надо ему что-то передать? — спрашиваю я, и она сразу понимает, о ком идет речь. Мама в целом меня хорошо понимает, но был один день, самый важный день, когда она не поняла. И случилось то, что случилось. Но если бы поняла, то не было бы ни мозгоправов, ни полиции. И вопросов, на которые я не смог правильно ответить про фотографии тех, кто мне не нравится, и про карточки с оттенками.

Александра Пална попросила не винить маму. Что все мы люди и иногда можем не замечать самого важного.

Мама рисует на лице улыбку, как у Моны Лизы. Поправляет крестик, другой крестик — золотой, висящий на цепочке на шее. Зачем-то продолжает носить эту штуку. Хотя винит его во всем. Надеюсь, что винит. Должна винить. Любой нормальный человек в такой ситуации винил бы

только его и подарки, даже если это последнее, что от него осталось, не носил бы.

— Ничего. Нет. Ничего не надо. Если спросит, скажи, что все хорошо, и все. Если не спросит — ничего. Просто привет, и все. Или нет. Если захочешь — передай.

— Я передам.

Я собираюсь надеть капюшон и открываю дверь.

— Прошу тебя, не надевай капюшон.

Помимо прочтения гребаной брошюрки о том, как надо с «такими, как я», мама просмотрела и кучу роликов на ютубе, но до сих пор не поняла принцип личного пространства. По крайней мере, если судить по брошюрке, предполагается, что у меня свой мир, с которым надо быть бережным и не лезть туда каждые пять минут с советами, как выжить во внешнем мире. Тем более когда сама...

— Дождь, — киваю на обстреливаемое каплями лобовое стекло.

— Прости. Да. Ты просто надеваешь его и закрываешься от мира. Так сказала Александра Пална. Но сейчас дождь, так что да — сейчас можно. Прости.

Я смотрю на стекло. Стекающая капля на трещине от камушка меняет направление, и, если приглядеться под правильным углом, молния бьет по башке стоящего у входа охранника дядю Кешу. Он, как обычно, ругает парней за опоздания и клеится к девочкам.

— Дорогой, а мне тебя забрать?

— Нет, я сам.

— Мне не трудно, я могу...

— Я сам, — перебиваю я. Иногда легче ее перебить. Мама легко перебивается. Ее всегда перебивают. И он перебивал. И толстуха на кассе. И дед из соседней квартиры. И в больнице медсестры. Начал и я.

Выхожу из машины.

— Даня, баночки? — спрашивает она из-за спины и улыбается так, как не улыбаются, когда честно хотят

улыбнуться. Как не улыбаются, когда говорят про гребанные капсулы.

— Взял, — показываю желтую баночку, ту, что «пока все норм», и трясу ею. Она всегда в правом нижнем кармане куртки.

— А розовенькие?

— Взял, — стучу по левому верхнему карману. — Все взял.

Я опять пытаюсь уйти.

Полные пыльные полки попыток.

Прйти не хватает грести.

— Кто-то ведь должен ношу нести! — объявляет проповедник на вновь включенном радио.

Мама сигналил мне на прощание, как мамы из американских фильмов о неудачниках. Я не в американском фильме, но, судя по общим признакам, неудачник. Она что-то говорит, но я не слышу, на мне наушники, в которых Паша Прурок завершает свою, как оказалось, не такую уж бессмысленную мысль:

Мамочка, ты забудь все обиды,

Что по глупости я натворил.

Молодой, потянуло магнитом

К тем, кто меня так не любил*.

Машина трогается, и мама поправляет крестик.

Я надеваю капюшон.

И не передам отцу привет.

Вхожу через ворота на территорию колледжа. В шестой раз. День сотворения человека, получается.

Напоминаю себе, что пришел, чтобы учиться. Пытаюсь привить это напоминание как привычку. Все ходят сюда учиться. Все учатся, потому что надо учиться. Учиться,

* Паша Proorok «К небесам».

чтобы быть рядом со всеми. Быть частью всех. Быть как все. Быть всем. Быть ничем среди всех и всего сплошного ничего. Александра Пална сказала, что полезно напоминать о целях, чтобы поддерживать свою мотивацию.

Я прохожу по небольшой студенческой площади. Судя по направлению каменной руки, Ленин скорее косплеит Гэндальфа, предлагая мне, глупцу, бежать в обратную сторону.

Слышу со стороны дороги сигнал и звук торможения. Черная затемненная «камри» останавливается у ворот, игнорируя вопли охранника Кеши. Задняя дверь открывается, оттуда вылезает кавказский парнишка, что-то говорит охраннику, и тот скорее в шутку пытается поймать хулигана. Обойдя меня, хулиган входит в здание. Я за ним.

Там, внутри, на втором этаже меня ждет дверь в аудиторию. Когда я войду, все будут смотреть на меня. Будут думать о том, что это тот новенький, ну который молчит, который тормоз.

Благо тут вновь работает решение от Александры Палны.

«Когда сложно, назови эту вещь и скажи, что ты собрался с ней делать».

Во время нашего последнего сеанса, прощаясь, она сказала: — То, что происходит с тобой, в твоей голове, — это нагромождение всей информации. То, что у людей лежит на отдельных полках, у тебя лежит на одной огромной. И чтобы это все удержать, ты тратишь слишком много энергии. Тебе нужно оптимизировать пространство.

Короче, по ее словам, в моей голове бардак и вместо того, чтобы его разгрести, я выбираю временное решение: бегаю как сумасшедший со скотчем вокруг него и укрепляю там, где все вот-вот порвется. Проблем все больше, и скотча тоже нужно больше.

Вместо того чтобы действовать, я слишком много думаю.

Поэтому мы тренировали осознанность. То есть давали названия объектам интереса, будто фиксировали их в моем сознании каким-нибудь понятным образом.

Первый месяц я считал это чушью, но в какой-то момент оно сработало. Без понятия, что происходит в голове, когда я даю название вещи. Я и до этих слов знал, что дверь — это дверь и что она нужна только для того, чтобы ее открывать и закрывать. Но когда произношу это, все вдруг обретает смысл. Туман рассеивается. Грохот затихает. Земля возвращается под ноги. И дверь действительно становится дверью, которую я должен открыть. Только объект и действие над ним.

Я собираюсь своими ногами подойти ко входу. Собираюсь взять ручку и писать, собираюсь взять телефон и позвонить. Собираюсь собрать себя и жить эту жизнь.

Пална попросила, чтобы я произносил это каждое утро, но в масштабах жизни эта обманка пока не работает. И жить эту жизнь... сложно.

Уже пару минут стою у первой ступеньки на второй этаж и, как debil, пытаюсь объяснить ногам, что надо идти. Гребаные лестницы. На всякий случай берусь за перила и начинаю восхождение. Шаг за шагом. Надо войти в кабинет до звонка, иначе опоздаю и все будут смотреть, как я черепашу за дальнюю парту.

Мне такого не надо.

Не хочу быть в центре парада.

Как бы построить ограду.

Ловлю девушку взглядом.

Ее зовут Карина. Моя одноклассница. Она высокая, в отличие от меня. И красивая. Слишком. Для меня, для колледжа и для этого города. Она не подходит этому месту. Ей бы в Париж или хотя бы Питер. С этим чувством стиля в одежде, с бесконечным желанием жить. Еще она умнее меня и, видимо, всех в нашей группе. У нее красивая улыбка, которой она встречает всех знакомых. Меня

тоже она встретила в первый день, но улыбка была другой, не похожей на остальные. Не из американских фильмов. Улыбка была какой-то понимающей. Будто «не парься, я знаю, что с тобой происходит. Я такая же». Но она не такая, по крайней мере на людях она идеальная студентка, идеальный друг, наверное, идеальная дочь. В тот день она устроила мне краткую экскурсию по колледжу. Я молчал, она улыбалась и говорила. Больше мы не разговаривали. Теперь она просто улыбается мне, как будто у нас есть какой-то секрет. И хоть секрета, как и с мамой, у нас с ней нет, но, когда я смотрю в ее глаза, кажется, что есть. Хочется, чтоб был.

Карина долго смотрит в фойе на стенд «Герои специальной военной операции». Подносит два пальца к губам, а затем касается ими одной из фотографий на стенде.

— Ну, че, брат, все, приехал? — внезапно спрашивает тот самый кавказец.

Я испуганно оборачиваюсь.

— Что?

— Говорю, все уже — и ты наступил в эту яму.

— Что я?

— Говорю, втюрился в Карину. Проверь сердце, бьется быстрее обычного?

— Я? Нет, я просто...

Он смеется, хлопнув меня по груди:

— Не парься. Не первый, не последний. — Он замирает, вглядывается в мое лицо внимательно, я отступаю. — А, ты же этот новенький, который, ну... Смотрю на тебя и думаю — знакомое лицо. Твою фотку кинули в групповой чат. Имя есть?

— Что пристал? — хочу спросить я, но спрашивает Карина, подходя к лестнице, а потом, посмотрев на меня, добавляет: — Извини. Надо забанить этого козла Валеру. Как заметила, я сразу удалила. — А потом хмурит брови на моего нового знакомого. — Оставь Данилу.

— Я разрушаю границы между нами! — Он ставит руку мне на плечо. — Данила? Даниил? Дэниел!

— Разрушь границы между собой и учебой, — она кивает на дверь. — Тебе еще объяснять Елене Дмитриевне, почему тебя не было неделю.

— Я же отпросился! Ты должна была меня отмазать! Ты же обещала, что прикроешь! Тоже мне староста...

— На два дня, а не семь. Ты меня подставил.

Забыв обо мне окончательно, они входят. На секунду я замечаю тизер того, что меня ожидает: полная аудитория студентов. Берусь за дверную ручку и говорю:

— Я иду на битву с драконом. Я обязан его победить. Мне не надо его престола. Лишь бы голову с плеч отрубить.

И затем — вдох-выдох. Это дверь, и я ее должен от-крыть.

Уворачиваясь от десятков взглядов, я пробираюсь в самый конец, где сидит новый знакомый. Поздно идти в дру-гой ряд, поэтому сажусь за ним. Получаются две полупустые парты. Или полуполные.

— Ребята, тридцать седьмая страница. Параграф один-два-два, «Характерные черты экономики развитых стран», — объявляет учитель, подняв над головой оранже-вый учебник. Имя учителя я не запомнил, а учебник мне еще не выдали. — Выпишите полностью весь абзац на стра-нице, до фотографии. Итак, Артемьев.

— Тут, — вскакивает из-за стола один. Не ботан, но все время умничает, точнее, играет бровями, будто размышляет на умные темы.

— Афонина?

— Тут. — Она много разговаривает и почти всегда не по теме. Мне кажется, она не понимает, куда и как течет разговор. Если представить общающихся людей машинами, едущими по шоссе, то она, как пьяный водитель, постоянно то вылетает на встречу, то съезжает на тропинку, чтобы за-тем вылететь из кустов обратно на дорогу.

— Падай, — говорит кавказец, повернувшись ко мне.

— А?

— Учебник есть?

— Банина.

— Здесь. — Молчаливая. Сверхсерьезная. У нее, кажется, есть на эту жизнь план, в который наш колледж и уж тем более город не входят.

— Нет, — отвечаю я на вопрос про учебник.

— Тогда падай, — повторяет он и показывает на свободное место рядом.

Я думаю. Взвешиваю. Не знаю что.

— Ну смотри сам, — говорит он и отворачивается.

— Гольцова?

— Она отпросилась у завуча.

— Ей же хуже. Значит, не узнает ничего про экономику развитых стран. Деревянко?

— Здесь. — Кажется, напичкан препаратами для концентрации внимания. Все время в каких-то нервных тиках. То моргнет судорожно, то дернет носом вбок. А дрожащая нога, кажется, может послужить источником вечной энергии.

Я делаю глубокий вдох и сажусь рядом. Сосед, ухмыльнувшись, ставит учебник посередине, и мы начинаем переписывать абзац до фотки белых мужиков с закрученными усами и в цилиндрах. Бизнесмены довольно позируют в рукопожатии, будто они запускают экономику целой страны, и все это на фоне ничего не понимающих, полураздетых туземцев.

В какой-то момент на фамилии Маркулов сосед по парте встает и садится обратно.

— Я Джамал, — тихо говорит он и протягивает руку под партой.

— Данила, — отвечаю я.

— Рябцева тут, — говорит учитель, посмотрев на Карину, и ставит отметку в журнале.

— В натуре у тебя почерк, — удивляется Джамал, увидев мои записи. — Как у девочек. Я бы такой хотел. На эту

суету смотри. — Он показывает мне свою тетрадь, содержание которой больше напоминает поле битвы. А буквы, будто гармошка, тянутся то в одну сторону, то в другую. — Так-то я могу нормально, но мне для дебатов надо быстро накручивать скорость письма, так что я уже привык.

— Са-ави-ин, — тянет преподаватель, и по его тону я понимаю, что это уже повторный призыв.

— Он там. — Карина привстает и показывает на меня.

— Опять завис, — говорит парень с выбеленными волосами, зафиксированными гелем. И все начинают смеяться. Я, конечно, не эксперт в области юмора, но, кажется, дерьмо собачье, а не шутка. Но, возможно, они смеются, потому что знают что-то, чего не знаю я.

Я вскакиваю и сажусь обратно. Историк поднимает бровь и идет дальше по списку.

— Это Валера, — кивает Джамал на крашеного, но я уже знаю его имя. Мама бы назвала его хулиганом, а я — мудаком. И в той и в другой роли он рулит тремя такими же придурками. — Ты есть в группе в «телеге»?

— Нет.

— Понятно... — Поковырявшись в телефоне, он показывает мое фото. Там я стою у первой ступеньки и смотрю, как debil, в пол, как будто забыл, что собирался делать. Снизу надпись: «ЗавиССавин» и анимация загрузки на башке. Прямо в этот момент парни забрасывают чат моей фоткой, которая теперь не фотка, а стикер, и не абы какой, а анимированный. Прекрасно. Стикеры делаются только про популярных чуваков. Все как хочет мама. — Вчера ночью закинули. Карина удалила и на неделю заткнула Вальтера. Его ник. Ну, Валера.

— Получается, Вальтеру вставили пистон, — бубню я.

— Хорош, — усмехается Джамал. — Шутка за триста.

— Маркулов, не знал, что отношение к немецкому капитализму может быть настолько смешным. Прекратите оказывать дурное влияние на нашего новенького.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru